

Э.Р. Салихов

Дореволюционная историография феномена самозванчества (на примере движения Лжедмитрия II)

В статье осуществляется комплексный анализ дореволюционной отечественной историографии, посвященной феномену самозванчества на примере движения Лжедмитрия II, его личности и особенностей деятельности.

Ключевые слова: историография; самозванец; Лжедмитрий II.

Несмотря на достаточно активную разработку историками проблем Смутного времени, изучение феномена самозванчества и личности Лжедмитрия II, их анализ, квалификацию, типологизацию, т. е. историко-теоретическую проработку, можно признать недостаточным. За значительный период времени можно выделить лишь работу И.О. Тюменцева [11], которая, на наш взгляд, при всем уважении к автору не исчерпывает проблематики деятельности данного исторического персонажа.

Начиная, например, с происхождения самого Лжедмитрия II, можно сказать, что мы располагаем крайне незначительным числом свидетельств на этот счет. Подобное обстоятельство не могло не сказаться на освещении данного вопроса в историографии, но весьма слабо отразилось на экспертно-методологической оценке самого явления самозванчества.

В частности, В.Н. Татищев, придававший большое значение иностранному вмешательству, считал, что самозванец был поляком, и поэтому роль иностранного государства в «Смуте» была велика.

Д.П. Бутурлин полагал, что самозванца звали Иваном, который был родом из России, но жительство имел в белорусском городе Сокол и занимал место учителя при детях священника.

Н.И. Костомаров отмечал, что «по одним известиям, Лжедмитрий II назывался Богданом и был литвин, по другим — крещеный, по третьим — некрещеный еврей, по четвертым — сын Курбского, по пятым — его отыскал в Киеве путивльский поп Воробей, по шестым — его выслала в Московское государство жена Мнишека, по седьмым — он был родом стародубец и учил детей сначала в Шклове, а потом в Могилеве» [5: с. 321].

Как видим, единой точки зрения на происхождение Лжедмитрия II нет, но сама неопределенность его личности многое дает нам для понимания той роли, которую он сыграл в тяжелый период существования Московского

государства. То, при каких обстоятельствах он появился на исторических подмостках, уже служит поводом для размышлений.

В.Н. Татищев отмечал, что самозванец, придя в Стародуб, назвался не царем Димитрием, а Андреем Андреевым сыном Нагим: «прииде в Стародуб новый вор и назвался Андреем Андреевым сыном Нагим, да с ним товарищ, московской подъячей Алексей Рукин. И сказали в Стародубе, что они присланы от царя Димитрия» [10: с. 303].

Такой же точки зрения придерживались и другие дореволюционные историки — Д.П. Бутурлин и Н.И. Костомаров: «... онъ наконецъ объявилъ, что подъ именемъ Нагаго скрывается самъ Димитрій, чудесно спасенный отъ измены Московскихъ жителей, которые будто бы вместо его убили какого-то Немца, по имени Арцъкарлуса» [2: с. 89].

Но они, в отличие от В.Н. Татищева, связывали появление самозванца с семьей Мнишеков: «Михайло Молчанов, убежавши из Москвы, прибыл в Самбор и в соумышлении с женою Мнишека начал приискивать нового самозванца. Он поручил Болотникову собирать против Шуйского силы русского народа, уверяя всех и каждого, что Димитрий спасся от смерти в Москве и явится снова отнимать свой престол у похитителя. И новый названный Димитрий явился в Стародуб... Рассказывают, что самозванец, вышедший из литовских владений в Московское государство, по внушению агента жены Мнишека Меховецкого, не решился сразу назвать себя царем, а назвался дядею Димитрия Нагим. Пришедши в Стародуб вместе с подъячим Алексеем Рукиным, он объявлял, что сам он Нагой, а за ним идет Димитрий с паном Меховецким» [5: с. 321].

Кроме того, к ближайшему окружению второго самозванца В.Н. Татищев относил польско-литовских панов, которые примкнули к нему, когда он вторгся в Московское государство: «К вору ж оному пришел ис Польши полковник Лисовской с войском, и он, с ними совокупясь, осадил Брянск, чрез что в городе учинился голод великой. К нему ж пришли козаки... Вор пошел к Орлу. В Орле же его приняли с честью, и тут он зимовал. Ту зиму пришел к нему ис Польши гетман Ружинской с войском в ночь» [10: с. 304].

Н.И. Костомаров, напротив, сначала к ближайшему окружению самозванца относил людей, его нашедших, — Михайло Молчанова и жену Юрия Мнишека. Вскоре к нему стали примыкать большие массы людей: «Немедленно к нему стеклось до трех тысяч русских с Северской земли. Пришел выславший его Меховецкий с отрядом украинской вольницы, дожидавшийся на границе, что станется с самозванцем, когда он объявит о себе русским. Потом пристал к нему донский атаман Заруцкий, родом из Червонной Руси, отправленный Болотниковым искать Димитрия. Меховецкий разослал в Польшу письма и извещал, что Димитрий явился, что пришла для поляков пора военной славы и мщения за убитых в Москве. По этим письмам один за другим прибыли к самозванцу паны Адам Вишневецкий, Хруслинский, Хмелевский, Валавский, Самуил Тишкевич и самый сильный

князь Роман Рожинский. У всех было по значительному отряду вольницы, человек до тысячи в каждом, а у Рожинского более четырех тысяч. Кроме того, князь Рожинский был человек с весом, и его войско увеличивалось с каждым днем новыми пришельцами. Тут были преступники, так называемые “банниты”, осужденные за разные своевольства и избегавшие законной казни, проигравшиеся и пропившиеся шляхтичи, которым ради насущного хлеба надобно было приняться за какое-нибудь ремесло, а по тогдашним польским понятиям только военное ремесло и было достойно шляхетского звания. Были здесь и неоплатные должники, бежавшие от займодавцев, наконец, были и такие молодцы, для которых было все равно, в какую бы сторону ни отправиться, лишь бы весело пожить, а по их понятиям весело пожить значило грабить, разорять и вообще делать кому-нибудь вред. Шайка увеличивалась и поляками, и русскими. Пришли к самозванцу паны Млоцкий, Александр Зборовский, Выламовский, Стадницкий и отважный богатырь Ян Сапега, племянник канцлера Льва, осужденный в отечестве за буйство. Все они привели с собою отряды вольницы под названием гусар и казаков» [5: с. 323].

Исходя из этого, видно, что историк отмечал значимость поляков в армии самозванца, но в то же время не игнорировал роли местного населения, составлявшего костяк его войска.

Отечественные историки пытались, упоминая иностранное присутствие в окружении Лжедмитрия II, прежде всего определить степень самостоятельности этой фигуры.

В частности, В.Н. Татищев отмечал, что самозванец был самостоятелен, хотя вторгся в Московское государство с помощью московского подьячего Алексея Рукина. А уже потом к нему только начали примыкать польско-литовские и казацкие отряды.

По мнению Д.П. Бутурлина, самозванец определенно зависел от польских панов, хотя напрямую он об этом не говорит, видя целями мятежников наживу и «удовлетворение низких страстей».

Иной точки зрения придерживался Н.М. Карамзин. Являясь просвещенным консерватором по своим убеждениям, он поддерживал традиционную точку зрения, что Лжедмитрий II был ставленником польско-литовской шляхты и в борьбе с Шуйским опирался главным образом на польские отряды.

Напротив, по мнению Н.И. Костомарова, самозванец водворился в Стародубе без помощи извне, и поляки играли роль наемников в его лагере. Он выдвигал на первый план внутривосточную борьбу и в связи с этим видел инициаторами смуты вооруженные группы неопределенного социального статуса: «Главная сила вора состояла тогда в казачестве, которое стремилось к ниспровержению прежнего порядка и установлению казачьей вольности» [5: с. 325].

В связи с этим важно добавить, что не только личность самозванца оказалась весьма туманной, но достаточно неопределенным по своему составу и характеру было и его непосредственное окружение.

Хотя само собой разумеется, что наиболее активно, исходя из исторических традиций межгосударственных отношений того времени, отечественные историки пытались высветить связь Лжедмитрия II именно с поляками.

Д.П. Бутурлин отмечал небрежное отношение поляков к самозванцу: «Служившие ему Поляки признавали его Государем только по имени а в самом деле вовсе не уважали его. В недавнее еще время, Рожинский не усумнился в его присутствии ударить по щеке и бить палкою любимца его Вишневецкаго, а Самуил Тишкевич самага его ругал в глаза и называл лгуном и мошенником. Он все переносил и сделался предметом общаго презрения» [3: с. 61].

Того же мнения придерживался и Н.И. Костомаров: «Никто не верил, чтобы Димитрий был настоящим. Князь Рожинский отстранил Меховецкого, принял звание гетмана и начал так помывать названным царем, что последний два раза хотел убежать от чести называться царем, но его возвращали и принуждали снова играть взятую роль. В третий раз в отчаянии он начал пить водку, которой прежде не пил, хотел допиться до смерти, но это ему не удалось, и он решил предаться своему жребию» [5: с. 323].

Кроме того, поляки, освоившись в стане Лжедмитрия II, нарочито агрессивно относились к конфессиональной идентификации местного населения, что объективно служило хаотизации социального пространства: «Поляки умышленно оказывали пренебрежение к святыне, загоняли в церковь скот, кормили собак в алтарях, шили себе штаны из священнических риз, клали мясо на церковную утварь и разгулявшись, для забавы приказывали монахам и монахиням петь срамные песни и плясать» [5: с. 326].

Как и Д.П. Бутурлин, историк указывает на пренебрежительное отношение поляков к самозванцу: «Поляки в глаза обзывали самозванца обманщиком и вором и кричали на него так, что он прятался от них» [5: с. 326].

Правда, В.О. Ключевский выдвигал на первый план в окружении самозванца не только польско-литовских панов: Меховецкого, Зеновича, Рагозу, — но и казацкого атамана Ивана Заруцкого, будущего тушинского «боярина» и главу казачьего приказа. В.О. Ключевский выделял его, так как рассматриваемые им события Смуты связаны с внутривосточной борьбой, а Заруцкий и ему подобные были непосредственными политическими противниками Шуйского и его окружения.

Е.Ф. Шмурло предлагал свою точку зрения на ближайшее окружение Лжедмитрия II. По его мнению, в окружение и армию самозванца входили «беглые холопы и крестьяне; гуляющий народ — донские и запорожские казаки и польские шляхетские отряды, участвовавшие в рокоше (вооруженном бунте против короля), люди тоже выбитые из колеи, кто был осужден на изгнание и волей-неволей шел на стороне искать себе счастья (известный наездник Лисовский со своими “лисовчиками”), кто — просто не желал выпускать сабли из рук, выжидая подходящего случая пустить ее поскорее в дело (пан Рожинский)» [12: с. 236–237].

Крайне важно, что Е.Ф. Шмурло, определяя цели сторонников самозванца, уделял большое внимание людям «выбитым из колеи», т. е. акторов с расплывчатой социальной диспозицией.

Возможно, здесь сказывалось и влияние его учителя К.Н. Бестужева-Рюмина: «Всего войска у самозванца набралось до 7000 поляков, до 8000 казаков, под начальством Заруцкаго; были, кроме того, еще нестройныя толпы холопов и разных беглых» [1: с. 256–257].

По словам же С.Ф. Платонова, стародубцы, уверовавшие в самозванца, появившегося в Стародубе, стали помогать ему деньгами и рассылать о нем грамоты другим городам. Под знаменами Лжедмитрия II собрались северские мятежники; вокруг него сформировалась дружина, но не земская; состояла она из польских авантюристов и всяких проходимцев. Таким образом, самозванец постепенно накапливал силы, собирал большую армию: «...уже в конце августа у него были ратные люди из Речи Посполитой с вождами Меховецким и Будзилом. Эти паны приняли руководство всеми вообще военными силами Вора, в составе которых были и московские украинные “воровские” казаки. Так с самого начала действий Вора первенство при нем получили поляки и Литва, и Вор стал смотреть из их рук. С течением времени, и при том довольно скоро. Уже в начале 1608 года, к Вору стеклось много польско-литовских “полков”, потому что тогда в Речи Посполитой, благодаря “рокошу” было немало готовых к походу отрядов — как людей, которые ходили за короля на рокошан, так и самих рокошан. Последние спасались от королевской репрессии в Московское государство, чая себе там безопасности, добычи и славы» [8: с. 418].

Итак, при самозванце образовалось значительное польско-литовское войско, гетманом которого с весны 1609 года стал Рожинский.

«К этому основному ядру армии Вора примкнули и русские (точнее — московские) отряды. Они, конечно, не могли сравниться по степени военного искусства с правильными польскими “ротами” и представляли собой иррегулярные войска; но, накапливаясь постепенно при Воре, они все-таки образовали собой большую рать, с определенным боевым устройством и с излюбленными вождями “атаманами”. В эту рать вошли, прежде всего, “ратные и жилецкие люди” тех мест (Северской украины), где появился и получил первое признание Вор. Затем, к Вору пристали те части войска Болотникова, которые избежали тульской осады или спаслись из Тулы до ее сдачи; таковы были “станции” атамана Ивана Заруцкого. Далее, к Вору приходили случайные ватаги бродячих казаков с Дона и Днепра. Наконец, с самого начала 1608 года литовский выходец, изгнанник, “отсуженный своей чести” за рокош, Александр Лисовский, начал свою операцию сбора Тульской “бежи”. Он обошел всю московскую украину, собирая по дорогам остатки войск Болотникова, отпущенные Шуйским из Тульского плена на юг. Из этого сброда он составлял боевые отряды, снабжая их оружием и провиантом из взятых им украинных

крепостей. В результате “собралось с ним тридцать тысяч русских украинских людей”. Он как бы возродил к новой деятельности только что уничтоженное Шуйским войско Болотникова и привел его на службу Вору» [8: с. 419].

Как видим, С.Ф. Платонов очень подробно разбирает состав войска Лжедмитрия II, делая акцент на разнородных по своему составу и национальности отрядах.

Таким образом, мнения историков по поводу окружения самозванца неоднозначны в деталях, но в главном они сходятся: окружение и войско Лжедмитрия II имели крайне неоднородный, неопределенный характер.

Хотя, по мнению С.М. Соловьева, самозванец водворился в Стародубе без какой-либо значительной помощи извне и поляки играли роль наемников в его лагере. Историк на первый план выдвигал внутривосточную борьбу и события, и в связи с этим считал целью подручных самозванца произвести смуту в Московском государстве, свергнув Шуйского с престола: «Осажденные два раза отправляли гонца в Польшу, к друзьям Мнишка, чтобы те постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедмитрия, в отчаянии писали к ним: “От границы до Москвы все наше, придите и возьмите, только избавьте нас от Шуйского”» [9: с. 61].

Интересно: Е.Ф. Шмурло и С.Ф. Платонов отмечали, что в отличие от первого Лжедмитрия не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а напротив, они его влекли за собою в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов [8: с. 417].

«Служа самозванцу, они и не думали ни о каких политических или династических целях. В лице стародубского вора явился поэтому не представитель династии или известного государственного порядка, а простой вожак хищных шаек двух национальностей, русской и польской, — шаек, которых манила к себе Русь своей политической слабостью и шаткостью русского общества... Первый самозванец восстанавливал династию, а второй ничего не восстанавливал, он просто воровал» [6: с. 304].

Более того, Е.Ф. Шмурло считал самозванца разбойником и поэтому полагал, что его шайки хотели просто ограбить, разорить Московское государство. С.Ф. Платонов считал самозванца марионеткой в руках своего окружения и поэтому приносил ему роль в Московском государстве.

К.Н. Бестужев-Рюмин, как и Е.Ф. Шмурло, определял цели польских захватчиков как преимущественно разбойничьи, корыстолюбивые: «Желающих служить самозванцу нашлось в Польше много: прекратившийся мятеж (рокош) Зебжидовскаго оставил много охотников до военных приключений. Желание мести за убитых в Москве поляков было столь же сильною побудительною причиною, как и охота к приключениям и ожидание богатой добычи: слухи о богатстве московской казны и расточительность первого самозванца привлекали охотников легкой наживы» » [1: с. 254].

По мнению С.Ф. Платонова, полякам нетрудно было запугать шкловского бродягу и заставить его называться именем Андрея Нагого, так как в это время он был очень беден, бессилен, поэтому поляки держали его в страхе, подчинив себе. Они обращались с самозванцем дурно, казаки также относились к нему так, как к своим собственным самозванцам, которых они в то время научились фабриковать во множестве. Социальная опора его была неотчетлива, так как имела разнородный состав, разную религию, вкусы и обычаи.

Подводя итоги историографического анализа трудов отечественных дореволюционных историков, посвященных феномену самозванчества, следует отметить определенные характерные черты, присущие изучению данного явления.

С одной стороны, характер историографического подхода отличается «наивной» проблематизацией, повторяющей в нарративном изложении содержательную конфигурацию источников и фактически игнорирующей главное условие принципа историзма — теоретико-методологическую экспертизу пространства изучаемого.

С другой стороны, можно отметить следующие, на наш взгляд, важные историографические результаты. Лжедмитрий II выступает «туманной» личностью в истории, о чем уже упоминалось ранее, но не потому, что до нас дошло лишь незначительное число источников, а в силу того, что самозванец по своей сути был фигурой неоднозначной и неопределенной. Об этом говорит множество фактов из его жизни и деятельности. При этом неопределенность происхождения, окружения, намерений самозванца дополнительно подчеркивает неопределенность природы самой фигуры Лжедмитрия II. Если взять, например, окружение самозванца, то большинство людей, которые объединялись вокруг него, были людьми маргинальными, т. е. «людьми с обочины», без каких-либо «длинных» целей и культурных ограничителей, «выбитыми из колеи» и искавшими взаимной поддержки. Эта характеристика в полной мере касается и «казаков», и «рокошан». На наш взгляд, загадка второго самозванца во многом связана с неопределенностью, маргинальностью того социального субстрата, в рамках которого он выдвинулся или оказался выдвинутым в лидеры.

Литература

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Феодоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Август. С. 245–295.
2. *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. Часть вторая. СПб.: В типографии А. Бородина, 1841. 430 с.
3. *Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. Часть третья. СПб.: В типографии К.И. Жернакова, 1846. 516 с.
4. *Ключевский В.О.* О русской истории. М.: Просвещение, 1993. 576 с.
5. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2006. 1024 с.

6. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск: АО Фолиум, 1996. 364 с.
7. *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1997. 430 с.
8. *Платонов С.Ф.* Смутное время. СПб.: Лань, 2001. 460 с.
9. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 8. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1896. 1726 с.
10. *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. Т. 6. М.; Л.: Наука, 1966. 482 с.
11. *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. 600 с.
12. *Шмурло Е.Ф.* История России: IX–XX вв. М.: Аграф, 1997. 736 с.

Literatura

1. *Bestuzhev-Ryumin K.N.* Obzor soby'tij ot smerti czarya Ioanna Vasil'evicha do izbraniya na prestol Mixaila Feodorovicha Romanova // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya. 1887. Avgust. S. 245–295.
2. *Buturlin D.P.* Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka. Chast' vtoraya. SPb.: V tipografii A. Borodina, 1841. 430 s.
3. *Buturlin D.P.* Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka. Chast' tret'ya. SPb.: V tipografii K.I. Zhernakova, 1846. 516 s.
4. *Klyuchevskij V.O.* O russkoj istorii. M.: Prosveshhenie, 1993. 576 s.
5. *Kostomarov N.I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyax ee glavnejshix deyatelej. M.: E'KSMO, 2006. 1024 s.
6. *Platonov S.F.* Polny'j kurs lekcij po russkoj istorii. Petrozavodsk: AO Folium, 1996. 364 s.
7. *Platonov S.F.* Uchebnik russkoj istorii. SPb.: Nauka, 1997. 430 s.
8. *Platonov S.F.* Smutnoe vremya. SPb.: Lan', 2001. 460 s.
9. *Solov'ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T. 8. SPb.: Tovarishhestvo «Obshhestvennaya pol'za», 1896. 1726 s.
10. *Tatishhev V.N.* Istoriya Rossijskaya: v 7 t. T. 6. M.; L.: Nauka, 1966. 482 s.
11. *Tyumencev I.O.* Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. 600 s.
12. *Shmurlo E.F.* Istoriya Rossii: IX–XX vv. M.: Agraf, 1997. 736 s.

E.R. Salikhov

Pre-revolutionary Historiography of the Phenomenon of Imposture (on the Example of Movement of False Dmitry II)

The article made a comprehensive analysis of prerevolutionary Russian historiography devoted to the phenomenon of imposture on the example of movement of False Dmitry II, his personality and characteristics of activity.

Keywords: historiography; an impostor; False Dmitry II.